

УЧЕНИЕ ГУССЕРЛЯ О ВЕЩИ, ВОСПРИЯТИИ И ПРОСТРАНСТВЕ

(Лекции 1907 г.)*

Н.В. Мотрошилова

Между опубликованием двух важнейших сочинений основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля – “Логические исследования” 1900–1901 гг. I, II тома, и “Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии” (1913) – прошло более десяти лет. Долгое время история феноменологии между этими двумя пунктами ее развития была малоизвестна, особенно широкой публике, незнакомой с лабораторией гуссерлевской мысли, которая именно в это десятилетие претерпела многие изменения и превращения, сделавшие феноменологическую философию зрелым и разветвленным учением. Как оказалось впоследствии, когда (в разные годы, но особенно после смерти Гуссерля) были напечатаны богатейшие материалы, помечавшие вехи его жизненного пути, в 10-х годах возникли и оформились целые разделы феноменологической концепции, которые как раз и сделали возможным появление “Идей”, где это учение обрело беспрецедентное разнообразие содержания и сложную структурную систематику. Среди главных вех творческого развития Гуссерля в этот период (наряду с “Лекциями по феноменологии” 1907 г. – II том “Гуссерлианы”, с “Лекциями по феноменологии внутреннего сознания времени” (1905 г.), опубликованными М. Хайдеггером в 1928 г. – X том “Гуссерлианы”, с “Философией как строгой наукой” – Логос. 1910/11 гг., Т. 1) были и лекции 1907 г. под общим названием “Вещь и пространство” (Husserliana. Den Haag, 1973. Bd. XVI). Немаловажно, что из всех этих текстов сам Гуссерль опубликовал только статью “Философия как строгая наука”. И дело не в том, что автор считал остальные рукописи непригодными для печати. Хотя это были материалы к лекциям, Гуссерль – по своему обыкновению – тщательно готовил их (сначала делая стенографические записи, потом расшифровыв-

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и фонда им. Фр. Тиссена (Thyssen-Stiftung).

вая, вновь и вновь корректируя и дополняя тексты), так что впоследствии перед издателями развернулся огромный массив (почти) готового к опубликованию гуссерлевского наследия. (Это, кстати, делает посмертные публикации лекций и заметок Гуссерля вполне аутентичным выражением взглядов автора, чему способствует и высочайшая культура издания, сложившаяся в гуссерлеведении.) Теперь значение разработок 1905–1907 гг. исследователи оценивают весьма высоко: по словам немецкого феноменолога Ульриха Клесгеса (Claesges), издателя лекций о вещи и пространстве, “Гуссерль уже в 1907 г. в главных чертах разработал *основной принцип* своей будущей чистой, или *трансцендентальной*, феноменологии, принцип *феноменологической редукции* и ...уже в это время был в состоянии дать первый очерк проблем, методов и целей чистой феноменологии” (Husserliana. Bd. XVI. S. XIV). Открытие Гуссерлем принципа редукции – согласно неоднократным разъяснениям самого основателя феноменологии (Husserliana. Bd. X. S. 237 ff.; Manuskript A VII, 25. S. 2. u.a.) – произошло летом 1905 г. Упомянутые материалы объективно свидетельствуют о чрезвычайной плодотворности периода 1905–1907 гг. в развитии Гуссерля. Между тем субъективно создатель феноменологии именно в это время переживал (как свидетельствуют его заметки в дневниках, письма, воспоминания современников) глубокий духовный и творческий кризис, который был обусловлен главным образом внутритеоретическими (отчасти и личными) причинами и трудностями¹.

Одна из трудностей состояла в том, что Гуссерлю потребовалось вновь и вновь осмысливать “Логические исследования”, истолковывать их для публики и отвечать на упреки критиков – и это при том условии, что сам он уже во многом ушел вперед по сравнению с несомненно грандиозным ранним сочинением, что заключенные в “Логических исследованиях” сложные, напряженные, но и по-своему плодотворные противоречия Гуссерль пытался снять благодаря более последовательному развертыванию принципов трансцендентализма. Здесь не место подробно анализировать “Логические исследования” с точки зрения их места в дальнейшем развитии гуссерлевской феноменологии, как и их роли в философии XX в². Достаточно в общей форме констатировать, что 1) ряд важнейших понятий будущей трансцендентальной феноменологии в “Логических исследованиях” либо не был прояснен сколько-нибудь удовлетворительно, либо вообще не был введен прямо и четко, а содержался – как понятие “феноменологической редукции” – в тексте латентно; 2) “Логические исследования” спрессовали в себе столько

¹ К числу личных причин относилась та, о которой рассказывал В. Бимель в предисловии ко II тому “Гуссерлианы”: Министерство образования в 1906 г. выступило с предложением сделать Гуссерля “ординариусом”, т.е. ординарным профессором, но коллеги по Гёттингенскому университету предложение отклонили. Гуссерль тяжело пережил это “недружелюбие коллег” – настолько тяжело, что чуть ли не стал сомневаться в своем призвании как философа (см.: Husserliana. Den Haag, 1973. Bd. II. S. VII).

² По этому вопросу см.: *Мотрошилова Н.В.* Вычленение и анализ “предметностей” сознания в феноменологии Э. Гуссерля (на материале второго тома “Логических исследований”) // Феноменология в современном мире. Рига, 1991. С. 97–155.

различных и разнонаправленных исследовательских проектов (от “чистой логики”, “чистой логической грамматики” до “феноменологии переживаний”), что Гуссерлю поневоле пришлось, колеблясь между ними, выбирать для себя относительно однородные предпосылки, методы, перспективы анализа, пытаясь вывести их из соответствующих общепhilosophических концепций. Гуссерль, как известно, для дальнейших исследований выбрал не “чистую” логику, а “чистую” феноменологию; среди феноменологических возможностей была четко избрана трансцендентальная феноменология.

Лекции о вещи и пространстве имеют свою предысторию. В зимний семестр 1904–1905 г. Гуссерль посвятил свою деятельность проекту, носившему название “Феноменология и критика разума”, и во исполнение его прочел в Гёттингенском университете лекции на тему “Главные разделы феноменологии и теории познания”. Но вскоре эти лекции показались ему “в высшей степени неудовлетворительными набросками” (Vd. XVI. S. XVII). (При этом тема вещи и пространства в них еще специально не разбиралась, хотя была заявлена.) В 1907 г. Гуссерль прочел “Лекции о вещи и пространстве”. Им в качестве Введения были предпосланы “Пять лекций по феноменологии” (Husserliana. Bd. II), которые были читаны с 26 апреля по 2 мая 1907 г. и которые (впоследствии опубликованные) я лично отношу к числу наиболее удачных (ранних) вариантов относительно целостной гуссерлевской феноменологии. И “Пять лекций”, и “Лекции о вещи и пространстве” формально относились к одному и тому же (упомянутому) циклу “Главные разделы из феноменологии и критики разума” и соотносились с задачей, которую Гуссерль тогда выдвигал в качестве центральной – с осуществлением масштабной “критики разума”. Задача ставилась и решалась под немалым влиянием Канта, философией которого основатель феноменологии в те годы усиленно занимался (Ibid. S. VIII). (Вопрос – в чем конкретно гуссерлевский анализ вещи соотносился с традицией Канта, а в чем существенно от нее отклонялся, будет подниматься в нашем дальнейшем анализе.) Исследователи справедливо усматривают значение “Пяти лекций” не только в том, что в них *впервые* была четко артикулирована идея феноменологической редукции, но и в том, что в них была развита “основополагающая мысль о конституции предметов в сознании”³. (Более подробный анализ этих лекций не входит здесь в мою задачу.) Что же касается интересующих нас здесь “Лекций о вещи и пространстве”, то приведенную выше справедливую, но слишком общую оценку У. Клесгеса можно расшифровать через ряд конкретных соображений, но сделать это лучше в ходе прояснения тем, проблем, методов, процедур и результатов проделанного Гуссерлем весьма детального и очень скрупулезного анализа.

Но прежде чем перейти к конкретному разбору гуссерлевских лекций – одно предупреждение, касающееся их общей структуры и соответственно рамок данной гуссерлевской работы. Издатели, опираясь на указания и пометки самого Гуссерля, следующим образом структуриро-

³ Biemel W. Einleitung des Herausgebers // Husserliana. Bd. II. S. VIII.

вали лекции. Они делятся на шесть разделов. Первый озаглавлен “Основы феноменологической теории восприятия”, второй – “Анализ неизменного внешнего восприятия”, третий – “Анализ кинетического синтеза восприятия. Изменение восприятия и изменение явления”, четвертый – “Значение кинестезической системы для конституции предмета восприятия”, пятый – “Переход от окулomotorного поля к объективному пространству”, шестой – “Конституция объективного изменения”. В дополнение к Лекциям издатели опубликовали обширные и весьма ценные “Дополнительные тексты” и “Приложения”, содержащие тексты, наброски, заметки Гуссерля, которые относятся к теме восприятия вещи и пространства.

В данной работе я ограничусь анализом первой части (I–IV разделов) Лекций, в которых разбираются основы теории вещи и ее восприятия, отложив до другого раза анализ второй части, в большей степени прикладной и разъяснительной.

* * *

Во введении к лекциям Гуссерль так определил их общую тему и задачу: “Речь идет об основополагающей части (Partien) будущей феноменологии опыта, о прояснении сущности опытных данностей, проистекающем из близлежащих и первых начал и при опоре на них устремляющемся по возможности глубже и дальше – по меньшей мере в [пределах] низших форм и ступеней этих данностей” (Husserliana. Bd. XVI. S. 3)*. Прибегая к устоявшемуся языку, можно было бы, поясняет Гуссерль, говорить о “теории опыта”, если бы слово “теория” не было так обременено пониманием, обусловленным математическими и естественными науками. Гуссерль не хочет при этом и ассоциаций с тем расширенным значением, которое это понятие приобрело в “Теории опыта” главы марбургской школы неокантианства Германа Когена (S. 4). Не выдвигая завышенных притязаний, Гуссерль ограничивается следующей задачей: “дать первую обработку поля феноменов опыта и данностей опыта”, т.е. разработать проблемы столь же фундаментальные, сколь и трудные. А уж потом можно было бы перейти к более высоким “проблемным формам”.

Гуссерль начинает с простых и понятных констатаций, которые на первый взгляд можно было бы скорее счесть смысловыми, обыденными, чем философско-мировоззренческими. “В естественной духовной установке⁴ у нас перед глазами – сущий мир, бесконечно расширяющийся в пространстве, который есть сейчас и был раньше; он состоит из неисчерпаемой полноты вещей, которые частью сохраняются, частью изменяются, соединяются друг с другом и друг от друга отделяются, влияют друг на друга и сами испытывают влияние. В этот мир мы встраиваем и самих себя, мы преднаходим себя в мире, как преднаходим

* Далее при цитировании в скобках указываются страницы или параграфы этого издания.

⁴ “Die natürliche Geisteshaltung” – выражение, родственное обороту “die natürliche Einstellung”, более знакомому нам по гуссерлевским текстам.

сам мир, и мы находим себя посреди этого мира” (S. 4). После этого тезиса, способного порадовать любого материалиста, Гуссерль сразу переходит к наиболее важному для него положению: пусть мы и включены в “порядок мира”, находимся “посреди” него, но мы занимаем в мире и исключительное положение, являясь *Beziehungszentrum*, т.е. центром наших отношений к остальному миру как тому, что нас окружает (*unsere Umgebung*). Правда, Гуссерль уточняет, что объекты окружающего мира – со всеми свойствами, изменениями, отношениями – таковы, как они есть, в-себе и для-себя. Однако *Umgebung* дается нам не иначе, чем через отношение к нам самим. “Мы непосредственно воспринимаем, – говорит Гуссерль, – окружающее нас; оно – вместе, одновременно с нами и стоит к нам в отношении становления, которое видят, осознают, слышат (в оригинале: труднопереводимое словосочетание “*Gesehen-Getastet, – Gehört, – weden*”. – *Н.М.*). Действительное восприятие находится при этом в контексте возможностей восприятия, вместе с осовременивающимися созерцаниями; в связях непосредственных восприятий содержатся путеводные нити, которые ведут нас от восприятия к восприятию, от первого окружения ко все новым окружающим нас [мирам]; и при этом воспринимающий взгляд касается вещей в их пространственности. Мы имеем также временное окружение, ближайшее и отдаленное; и вещи, и процессы, которые были, мы вспоминаем непосредственно; они не только были, но они и сейчас в воспоминании относятся к нам; в этом также заключено бытие – только что – становящееся – воспринятым (*Soeben – wahrgenommenworden – Sein*)” (S. 5). (Обратите внимание на этот “почти хайдеггеровский” оборот у раннего Гуссерля!) На “более низких” актах восприятия надстраиваются все более “высокие” – когда мы мыслим, теоретизируем, когда проявляем свои эмоции, формируем ценности, когда “находим” в окружающем мире других “Я”.

Итак, на фундаменте непосредственного надстраиваются многие опосредования (S. 6). И какими бы сложными ни были эти последние, они восходят к простому опыту, (*schlichte Erfahrung*), к непосредственным восприятиям, воспоминаниям и т.д. “Все опосредованные обоснования, как их осуществляет наука, покоятся на непосредственной данности; и переживания, в которых реальность приходит к непосредственной данности, суть восприятия, воспоминания, а также взятые в определенной непосредственности ожидания и подобные им акты” (S. 7). Вот почему и феноменологическая рефлексия, поскольку она начинается и движется на полностью “естественной почве”, как выражается Гуссерль, “с чистой совестью” и именно “естественно” начинает с того, в чем коренится самый обычный опыт.

Это разъяснение, данное Гуссерлем во Введении к “Лекциям о вещи и пространстве”, при всей его, казалось бы, бесхитростной простоте имеет принципиальное философско-мировоззренческое значение для феноменологии. И жаль, что в литературе по феноменологии о нем так редко вспоминают. А ведь благодаря ему уясняется, почему, собственно, феноменологический анализ покоится на непосредственных переживаниях и в каком смысле он возвращается к “самим вещам” (*zu den Sachen selbst*), почему, в частности, исходное структурирующее значе-

ние по отношению ко всем другим типам актов приобретает именно восприятие. Полезно отметить, что Гуссерль в данном случае прямо не акцентирует ни материалистических, ни идеалистических предпосылок. Феноменология просто отталкивается от существования (бесконечного) мира окружающих нас вещей как факта, как несомненной данности. Но столь же, если не более, несомненен для основателя феноменологии другой исходный факт – исключительность “нашего” положения в мире (т.е., собственно, положения человека, индивида), благодаря которому “мы” не можем не становиться центром отношения к миру. Здесь – исток гуссерлевского трансцендентализма.

* * *

I раздел Лекций носит название “Основы феноменологической теории восприятия”. Гуссерль посвящает первые исследования так называемым внешним восприятиям. Но еще раньше, в самом начале раздела, он оперирует понятиями, принципиально важными для последующего развития феноменологии и в то же время связывающими Лекции с предшествующими работами, включая “Логические исследования”: “Итак, мы хотим изучать самоконституирование (*das sich Konstituieren*) опытных предметностей в опыте низших ступеней. Дело идет, иными словами, о переживаниях простого созерцания или созерцательного схватывания, на которых в первую очередь и строятся более высокие акты специфически логической сферы и благодаря этому прежде всего они в процессе так называемой обработки низлежащего чувственного материала приводят к конституированию научные предметности” (S. 8).

Гуссерль предупреждает своих слушателей (и читателей) о том, что понятие “восприятия”, распространенное в философии, представляется ему “смутным” (*vage*) по своему значению. Предупреждает он и о том, что определения понятий, имеющимися в психологии и философии, он пользоваться не будет – в силу того, что его исследование руководствуется совсем другими интересами и отправляется от принципиально иных посылок, чем распространенные в его время и традиционные концепции восприятия. “Цель чисто феноменологического анализа, принцип феноменологической редукции и им чужды...” (S. 9). Так зачем же, рассуждает Гуссерль, вести исследование косвенно, опираясь на чьи-нибудь (часто неверные) мнения и высказывания, если можно обратиться к “самим вещам”, к сути дела? Присмотримся к тому, как Гуссерль станет осуществлять свой анализ.

После уже известного нам краткого уведомления он и переходит к изучению “восприятия вещей” в узком смысле, т.е. к восприятию физической вещи. Видение, осязание, обоняние, вкусовые ощущения – примеры восприятия вещей. Что означает (в том числе для обыденного языка) выражение “я вижу?” Я вижу дом, полет птиц, падение листьев; я вижу также цвет дома, форму и величину листьев; я вижу выражение лица человека, его движения. Или: я слышу звук скрипки, шум улицы, жужжание пчелы. “Видение и слышание направлены в первую очередь, в том числе и при восприятии другого человека, на телесное” (S. 10).

Конечно, если я вижу гневное выражение лица человека, то телесное выступает для меня как знак психического. Но сначала Гуссерль отвлекается от специальной темы “видения психического”. В целом же в восприятии, констатирует Гуссерль, с самого начала возникает “двойственное отношение”: имеется “восприятие предметности”, а одновременно и “восприятие воспринимающего Я” (S. 10). “Я фантазирую, я выношу суждение, я делаю заключение, я чувствую; следовательно, фантазирование, суждение суть фантазирование того Я, которое именно и фантазирует, суждение Я, которое судит и т.д. В случае восприятия, которое нас здесь сначала интересует, с этим основанным на переживании отношением (Erlebnisbeziehung) к Я связано также воспринимающее отношение (Wahrnehmungsbeziehung) объекта к Я-телу (Ich-leib) и известная конституция в характере целостного восприятия, в силу которых я имею свою позицию и – в качестве к ней принадлежащего – воспринимаемое окружение (Umgebung), к коему в свою очередь принадлежит вещь, которую я называю соответственно [чем-то] воспринимаемым, или видимым, или слышимым” (Ibid.).

Итак, первое различие, которое вводит Гуссерль, таково: совокупное (целостное) восприятие, *Gesamtwahrnehmung* ↔ особое восприятие (*Sonderwahrnehmung*) специального объекта, который мы и называем воспринимаемым ↔ сам объект. Затем “под лупу” анализа, как выражается Гуссерль, попадает именно *Sonderwahrnehmung*, т.е. восприятие в его отношении к воспринимаемому объекту. Уместно короткое гуссерлевское напоминание, что анализ будет осуществляться уже на основе исполненной феноменологической редукции. Конечно, мы не можем “оторвать” интересующие нас аспекты содержания от целостности “феноменологических связей”. “Но мы свободны в том, чтобы вглядываться в этот феномен и его объективирующее действие (*Leistung*) и изучать существенные специфические особенности данного феномена” (S. 11).

Возьмем в качестве примера восприятие дома. Нас здесь не интересует непосредственно, подчеркивает Гуссерль, “феноменологическая единственность (сингулярность)” (т.е. тот факт, что мы здесь и сейчас воспринимаем какой-то совершенно единственный, “этот дом”). Феноменологический прием – применимый, впрочем, не только к восприятию – состоит в следующем: “В этих сингулярных данностях, которые в качестве феноменологических не включают в себя никаких психологических или иных трансцендентных экзистенциальных полаганий и других экзистенциальных позиций, мы в качестве абсолютной данности схватываем всеобщее: всеобщую сущность вещественного восприятия и принадлежащих к нему специфических отличий” (S. 12). При этом только для начала мы можем опереться, да и то в качестве примера, на какие-либо вполне конкретные актуальные переживания. Но суть феноменологического анализа совсем не в этом. Ибо “данности”, на которые в случае “сингулярных восприятий” опирается феноменолог, суть “сингулярные, или единичные, сущности” (*singuläre Essenzen* – S. 13). Выражение “единичные сущности” звучит парадоксально. Но Гуссерль не устает повторять, что без понимания этого пункта вряд ли будут осозна-

ны “очевидные сущностные обобщения более высокой ступени” (здесь: “восприятие вообще”).

Слушателей лекций Гуссерля, хорошо знакомых с “Логическими исследованиями”, вряд ли мог удивить тот факт, что в качестве первой “сущностной определенности” восприятия основатель феноменологии назвал **интенциональность** (§ 4). При этом, пояснил Гуссерль, здесь уже не требуется углубляться в сущностное исследование феномена, чтобы с очевидностью признать, что и в восприятии предметность есть нечто весьма существенное и специфическое (связь акта восприятия с предметностью в немецком языке выражается с помощью предлога *von* *Plantasia von einem Haus* и т.д.; отсюда и гуссерлевское “*Bewußtsein von...*” – “сознание о ...”). Внимание исследователя должно быть, скорее, перенесено на специфику именно восприятия в его “предметных”, интенциональных ипостасях – по сравнению с другими актами: “В восприятии предмет стоит как живой, телесный (*leibhaft*), он стоит, говоря точнее, как актуально современный, как самоданный в актуальном *Теперь*” (S. 14). Так, в частности, различаются между собой восприятие и фантазия; в случае фантазии предмет *как бы* “стоит перед глазами”, но не как актуально – здесь и теперь – данное. “Теперешность” предмета в фантазии – только помысленная, только “представленная”. Когда мы воспринимаем дом, то видим, воспринимаем его в его телесности (*leibhaft*) и одновременно верим, что дом стоит там, где он стоит. *Leibhaft* (в телесности) и *Glaubhaft* (по вере) в восприятии слиты воедино (хотя их различие полезно для толкования моментов акта восприятия). Гуссерль понимает, что обрисованные пока характеристики восприятия достаточно банальны и вряд ли могут удовлетворить взыскательного читателя и слушателя. А потому он предупреждает: “... это первые и еще совсем грубые характеристики” (S. 15). Формы данности и формы “стояния – перед – глазами (*Vor – Augen – Stehens*) предметности” в восприятии требуют обширных и весьма сложных исследований. Гуссерль и продвигается далее по пути интернационального анализа восприятия. Применительно к восприятию Гуссерль хочет повторно утвердить то различие, которое известно из предшествующего интенционального анализа – между вещью, как она существует вне восприятия, и вещью как предметом восприятия. Восприятие не равно вещи. Например, восприятие плоскости не есть плоскость; если плоскость четырехугольна, ее восприятие никак не может быть четырехугольным. Но это только одна сторона того, что мы – опираясь уже сегодня на суть, а не букву гуссерлевских текстов – могли бы назвать конструктивным внутренним противоречием, антиномией восприятия. Другая сторона – удивительная “прилаженность” восприятия к предмету: пусть восприятие не “четырёхугольно”, но в нем нам с очевидностью явлена четырехугольная плоскость. О предмете восприятия мы можем делать “очевидные” высказывания (*evidente Aussagen* – S. 17).

Далее Гуссерль различает: явление ↔ являющийся предмет; содержание явления ↔ содержание являющегося предмета. С этим различием, признается Гуссерль, феноменолог вступает в сферу, где неизбежны неприятные, дискомфортные ощущения (*ein Unbehagen* – (S. 18).

Суть нового противоречия (так сказать, еще одной антиномии восприятия, тесно связанной с той, которая только что обсуждалась) можно усматривать в следующем. С одной стороны, в восприятии мы имеем “состояние-предмета-перед-глазами” (конечно, в зрительном восприятии; но и в слуховом имеет место нечто сходное – звучание перед органами слуха), его “телесное” присутствие. С другой стороны, при превращении внешнего предмета в предмет восприятия (интенциональный предмет) мы сталкиваемся с удивительным своеобразием последнего, с его **сугубой не-тождественностью воспринимаемому предмету**. Начать с того, что являющийся предмет, пусть он и дан нам, никак не исчерпывает многосторонности предмета, который нам является. Гуссерль даже заостряет это противоречие, придавая размышлению характер своеобразного диалога утверждений. “Сам предмет, который является в восприятии, есть трансценденция, хотя восприятие мне имманентно”. – «Да, но ведь предмет является мне в своей “телесности” (leibhaft), причем сущностная функция восприятия состоит в том, чтобы его таким образом изображать, воспроизводить (darzustellen)». – «Верно, однако, “имею” ли я предмет вместе с реально конституирующими его моментами, например стол с его тремя измерениями?» – “Но ведь я с очевидностью воспринимаю на основе живого изображения то, что столу присущи три его измерения (и не только они)”. Относительное разрешение спора Гуссерль видит в том, что он различает (и связывает) “две очевидности”: данность восприятия как феномена ↔ данность воспринятого как такового, добавляя, что вторая очевидность в известном смысле включена в рамки первой. Так перед Гуссерлем возникает необходимость снова и снова прояснять понятие “данность”, которое с первых шагов феноменологии в философском поле и до сегодняшнего дня остается для нее одним из самых важных. А вместе с этим снова и снова заостряются типично феноменологические вопросы. Если предметность, как на том настаивает феноменология, конституируется в переживаниях, то что такое конституирование? И что такое сознание очевидности? Что такое данность?

Итак, назад к переживаниям! – но не в психологическом, а в феноменологическом смысле. Мы бросаем на переживание исследовательский взгляд, и тогда оно “дано”. Какова его данность? Гуссерль называет эту – феноменологическую – данность абсолютной (S. 21). В каком смысле? Если в случае внешнего восприятия какой-либо вещи leibhaft и glaubhaft могут быть все-таки разделены, соединены с неверием и сомнением, то в случае (феноменологического) рефлексивного взглядывания в то же восприятие последнее не сфантазировано, помысленно, но именно дано как таковое, здесь и теперь, актуально “перед нашим взором”. Когда феноменолог предлагает в анализе опереться на восприятие (какого-либо, например, этого) дома и когда мы следуем его предложению, “осуществляя” такое восприятие, то нам не приходит в голову сомневаться в его “данности”.

Следующим шагом Гуссерль предлагает новое различение двух видов восприятия: *selbststellende Wahrnehmungen* и *darstellende Wahrnehmungen*. (Слово “selbststellend” Гуссерль заимствует у психолога Мюнстер-

берга, хотя и придает ему новый смысл.) Речь идет – в первом случае – о восприятиях, которые представляют самое сознание, а во втором – о восприятиях, которые представляют, изображают (*darstellen*) нечто вне сознания, или: в первом случае речь идет о “реально имманентных”, во втором – о трансцендентных предметностях, которые для сознания имеют интенциональный характер.

Присматриваясь ближе ко второму типу – к “изображающим восприятиям”, Гуссерль занимается вот какой проблемой. Восприятия одного и того же дома могут быть различны; и хотя мы воспринимаем дом во многих ракурсах, остается уверенность в том, что серия восприятий относится к одному и тому же предмету (S. 25). Мы говорим об этом “с известной очевидностью”. Как и благодаря чему дело обстоит именно так? Гуссерль полагает, что в данном случае работает “**сознание идентичности**” (*Identitätsbewußtsein*), увязывающее восприятие в единое целое (*Ibid.*). Идентификация, в свою очередь, предполагает, что мы имеем какое-либо представление и о восприятиях, и о сознании единства (соответственно, идентичности). При этом сознание идентичности подразумевает и возможность сомнения. Например, я вижу фасад дома и, обходя его, убеждаюсь, что снова вижу тот же дом. Однако не исключено (в сложных случаях), что я заблуждаюсь, поскольку вижу заднюю часть другого дома (S. 27). И все-таки существуют механизмы “самопосылания” восприятий (например, дома, слона и т.д.) в некий центр единства, идентификации и “непосылания” туда же восприятий другого предмета (скажем, камня, лошади и т.д.). И, следовательно, действует не только сознание идентичности, но и “сознание различения” (*Unterscheidsbewußtsein*) – в случае, когда восприятия “группируются” вокруг различных предметов.

Гуссерль поясняет (§ 11), что подобные феноменологические рассуждения не являются какими-то умствованиями, посторонними сути дела. Ведь восприятия, действительно, “дают” либо один и тот же предмет, либо различные предметы – и делают это с очевидностью (“*evident*”). Отсюда основатель феноменологии делает вывод: такие структуры, как “сознание идентичности” и “сознание различения”, принадлежат к самой сути восприятия; восприятие их “фундирует” (S. 31). Но нельзя забывать, что выражения “данные восприятия относятся (не относятся) к одному и тому же предмету” – в контексте гуссерлевского анализа подразумевают лишь “интенциональное отношение” к предметности, которое существует вне зависимости от реального существования или несуществования интендируемой предметности (*Ibid.*).

Далее гуссерлевский анализ делает новый поворот. Нельзя, разъясняет основатель феноменологии, отвлекаться от того, что физическая вещь дана нам не сразу и не целиком, а через “частные” восприятия (например, целостное восприятие дома – через видение его различных частей). Это значит, согласно Гуссерлю, что в рамках “изображающего восприятия” складываются сложные отношения целого и части (§ 12). Части даются в “частичных идентификациях” (*partialen Identifikation*). Но по отношению к целому они как бы “накладываются” друг на друга

(zug Deckung bringen, § 33). Такая “частичная идентификация” дифференцируется; “в своей всеобщности она охватывает различные случаи с точки зрения идеальных возможностей и в соответствии с принципиально различными видами отношения частей” (S. 34). Такими типологически различными частями целого (соответственно, восприятия целого) являются, с одной стороны, физические части (Stücke) вещи, а с другой – ее свойства. Способы идентификации восприятия, поясняет Гуссерль, в обоих случаях различны.

Итак, Гуссерля интересует – и в данном случае на примере восприятия исследуется – “сознание единства” (Einheitsbewußtsein), или “связующее предметное сознание” (das verknüpfende Gegenstandsbewußtsein) (§ 34). Оно “работает” всякий раз, когда имеется в виду единство двух или более частей (предмета), когда констатируется совместимость (или несовместимость) двух или более элементов. И когда в языке фигурируют слова “есть” (“не есть”), а к ним присоединяются “и”, “или”, “один” (одно, одна), когда употребляется множественное число и т.д. Не трудно видеть, что это касается бесчисленного множества актов сознания, а также и соответствующих языково-логических форм (почему Гуссерль и вспоминает тут о “Логических исследованиях”). И все-таки, чтобы слушатели (и читатели) не потерялись в проведенных различениях, Гуссерль напоминает, что он занимается “идентификациями и различениями, которые принадлежат к данностям вещных предметностей, а не теми, которые относятся к выражающим высказываниям” (S. 35–36).

Упомянутое сознание единства – это, согласно разъяснениям Гуссерля, “представляющее, объективирующее сознание”, которое имеет разнообразные модусы, разъясняемые через соотношение “полагаемого” (gemeint) и “данного” (gegeben). Сущность такого сознания и состоит в отношении (к интенционально) предметному и в его способности через особые формообразования приводить предметности к абсолютной данности (S. 36). Процедура объединения обозначается у Гуссерля давно известным словом “синтез”, которое часто встречается у Канта. “В феноменологическом анализе мы, например, полагаем в синтезе имманентное целое в самопрезентации, самоданности (Selbststellung), и его реальные части. Такие синтезы созерцают соотношение частей в абсолютной данности, и это созерцание также является абсолютно данным. Очевидность того, что существует наложение (Deckung), что одно существует в другом, – это абсолютная очевидность, такая же, как связываемые части” (S. 36–37).

* * *

II раздел Лекций носит название “Анализ неизменного внешнего восприятия” (S. 42). Что это значит – “неизменное восприятие”? Гуссерль впоследствии четко оговорит в Лекциях, что “неизменное восприятие”, как и “неизменная предметность”, которые сначала попадают в его исследовательское поле зрения (прежде чем будет обеспечен переход к изменчивым восприятиям и предметностям) – не более чем “абстракция фикция”. Но они, твердо заявляет Гуссерль, не могут помешать

тому, чтобы наш анализ проводился с опорой на очевидности. К тому же предполагать и восприятия, и предметности “неизменными” хотя бы в определенных границах – оправданно. Так, когда я сейчас смотрю на дом, то вправе предполагать, что в момент взгляда мое положение (почти, существенно) не изменилось, что дом в этот момент тоже не претерпел существенных изменений и т.д. Да ведь и феноменологические установления, которые будут сделаны в ходе и результате анализа, касаются сущности восприятия как такового, а потому не затрагиваются “незначительными изменениями в чувственных данных”. Повторяется уже известная нам рекомендация феноменолога – всмотреться “в какое-либо внешнее восприятие, например восприятие дома” (Ibid.). Но на этот раз рекомендуется “взять” (nehmen) восприятие так, чтобы оно было (в указанном смысле) “неизменным”. Первое различие, которое в данном контексте интересует Гуссерля: между **ощущаемым** цветом и **воспринимаемым** цветом (соответственно, величиной, протяженностью в пространстве).

Например, мы видим красный дом. “Ощущаемое красное есть реальный момент восприятия”. Восприятие содержит такой момент, как “красный цвет”. Но само восприятие, разумеется, не является красным. «“Красное” – не “свойство”, не признак восприятия, а признак самой воспринимаемой вещи”. Таким образом, Гуссерль вновь и вновь повторяет уже известный мотив: “Восприятие совершенно очевидным образом не может именоваться вещью” (Ibid.). И пространство есть, по Гуссерлю, форма вещественности (Form der Dinglichkeit), а не форма переживаний, будь они даже чувственными переживаниями. Поэтому когда философы, в частности Кант, говорят о “формах созерцания”, то они, согласно Гуссерлю, употребляют принципиально ошибочный термин: “форма” присуща только вещественности и не может быть отнесена к невещественному переживанию, например к созерцанию.

Принципиально неверно уравнивать, уподоблять восприятие и трансцендентную вещь. Имманентное нельзя именовать вещью. Это относится не только к вещи в целом, но и к ее свойствам, частям. Гуссерль предвидит недоумения и вопросы: если вещь и восприятия столь различны, то как же восприятие может непосредственным и очевидным образом “давать” вещь? Он предлагает: “здесь”, т.е. в данном пункте и данном контексте исследований, надо ограничиваться указанием на то, что “многие восприятия, существенно различные с точки зрения комплекса ощущений, являются и могут быть восприятиями одного и того же предмета” (S. 43). По крайней мере возможность этого существует. Однако же идентичность объективного признака внешнего предмета самому себе (например, тот факт, что воспринимаемый нами равномерно окрашенный желтый шар – пример Локка – остается таким же на протяжении нашего восприятия) не означает, что идентичны соответствующие ощущения. Ведь “ощущение не дает никакой репродукции (этого) признака. Восприятие, следовательно, не есть образ предмета” (S. 45), если толковать “образ” как некую “вторую вещь”, которая “репрезентирует” первую благодаря сходству с ней; “восприятие не содержит ни повторения всей вещи, ни повторения отдельных признаков.

Теория образа [отображения], рассмотренная во многих сторон, демонстрирует свою бессмысленность” (Ibid.).

При этом Гуссерль считает возможным сохранить термин “**ощущение**” для того, чтобы обозначить именно “**реальное содержание переживаний**” и чтобы тем самым вывести “реалистический” разговор за пределы темы собственно восприятия. Только тогда, как он полагает, возможно показать, почему – при всем необозримом разнообразии комплексов ощущений – все же возможно, что соответствующие восприятия “по самой их сущности отправляются от одного и того же предмета” (Ibid.).

Чтобы точнее определить специфику ощущений, Гуссерль возвращается к понятию “изображающих” моментов в содержании. “Ощущаемые содержания функционируют во внешних восприятиях как изображающие содержания. Можно через эту функцию фиксировать понятие ощущения и сказать: ощущаемыми содержаниями, в противовес воспринимаемым, называются такие, которые функционируют в качестве изображающих. Это и было бы то важное и фундаментальное понятие ощущения, которым мы хотели бы пользоваться. С другой стороны, ясно, что во внешнем восприятии изображающие содержания отмечены их специфическим внутренним характером; они могут принадлежать к весьма различным родам – цвет, звук и т.д.; но какими бы ни были здесь различия, все содержания, которые могут должным образом функционировать как изображающие по отношению к восприятию вещи, обладают внутренним родством: их охватывает высший род, подлинный, существенно единый род...” (S. 46–47). Как определить этот род? Можно ли назвать его родом “чувственных содержаний”? К сожалению, это понятие, замечает Гуссерль, отягощено многими ошибочными толкованиями. И было бы очень желательно подобрать другое слово (S. 47). Слово “феномен” (здесь “физический феномен”), предложенное применительно к данному комплексу проблем Ф. Brentano, тоже двусмысленно. В конце концов Гуссерль выбирает вряд ли удачное обозначение для такого “высшего” рода (по отношению к зрительным, звуковым и т.д. ощущениям): “род абсолютных физических данностей” (Ibid.). В обсуждаемом контексте Гуссерлю важно утвердить вот какой тезис: “... физические данности мы, как правило, соединяем с одушевленным пониманием (mit beseelender Auffassung). Именно благодаря Auffassung (это у Гуссерля одновременно первоначальное понимание, схватывание, рефлексия, тесно соединенные с восприятием. – *Н.М.*) мы можем различать самопредставляющие и изображающие содержания (selbststellende и darstellende)” (S. 46).

С этими своими различиями Гуссерль связывает понятия “перцепция” и “апперцепция”, которые противопоставлялись друг другу в традиционных философии и психологии: “простая **перцепция**”, или просто ощущение, понимались лишь как “чистое обладание”, как наличие в сознании воспринимаемого, или, скорее, ощущаемого, содержания, а “апперцепция” – как построенный на ощущениях и уже выходящий за их пределы акт понимания. Гуссерль предупреждает: «Мы по крайней мере будем избегать этого противопоставления перцепции и

апперцепции. Мы называем “перцепцией”, в согласии с обычным смыслом этого слова, просто восприятие ... а слова “апперцепция”, из-за множества [превратных] толкований, стараемся избегать...» (S. 48–49). (Здесь Гуссерль присоединяется к соответствующей аргументации К. Штумпфа, который предложил взамен “апперцепции” использовать слово “Auffassung”. Кроме того, даже и иногда употребляемое им слово “перцепция” для основателя феноменологии не вполне “удобное” понятие: он предпочитает немецкий термин “Erscheinung” (явление), поясняя, что “Erscheinung” есть, очевидно, не что иное, как перцепция – S. 49.)

Понятие “**явление**” (Erscheinung) может употребляться в узком и широком смысле. В данном случае Гуссерль стремится различить **собственно воспринимаемое** (Perzipierten) и **несобственно воспринимаемое**. Так, воспринимаем дом, мы в собственном смысле воспринимаем, перцепируем, только фасад (или какую-либо другую непосредственно видимую часть дома). И только фасад, собственно, и изображается в конкретном восприятии. “Восприятие целого не подразумевает восприятия всех его частей и определенностей” (S. 49–50).

Для более конкретного понимания этих различий Гуссерль приглашает присмотреться к проблеме ощущаемого содержания. Мы прежде всего находим в нем нечто принадлежащее ему с необходимостью – эти моменты и позволяют ему выполнять функцию изображения. Но взятые в единстве отдельные специальные изображения не исчерпывают целостного понимания (Auffassung). “Вещь в смысле восприятия заключает в себе больше, чем в точном смысле перцепируемая, или являющаяся, ее “фасадная” часть; и это “больше” отнимает у специально присущего вещи изображающее содержание. В восприятии в известном смысле со-воспринимается (mitgenommen) еще что-то, что само не приходит к изображению; к этому нечто ощущаемые содержания не имеют отношения; они полностью исчерпываются изображением фасада” (Ibid.). Итак, совокупное явление восприятия расчленяется на **явление в собственном смысле** (с его коррелятом – являющимся в собственном смысле, действительно изображающейся стороной предмета) и **явление в несобственном смысле**, служащее как бы «”аппендиксом” явления в собственном смысле – с его коррелятом в виде “чего-то другого” (in dem Übrigen) в предмете. Явление в несобственном значении ничего не изображает, хотя в известном смысле способствует осознанию предметного. Только изображаемое созерцается, только оно дано “интуитивно”» (Ibid.).

Но оба этих момента восприятия ни в коей мере не отделены друг от друга; они обретают единство в явлении, взятом в самом широком смысле этого слова. Сознание в случае восприятия есть осознание живого “присутствия” (например, дома); это и значит – в смысле целостной перцепции, что дом “является” (erscheint). Но ведь непосредственно является, как было показано, лишь одна сторона дома! Однако явление в узком, или собственном, смысле не есть нечто, что может быть обособлено, отделено от явления в целостном, широком смысле. Отсюда принципиально важная формула Гуссерля: явление = явление в собственном

смысле + компоненты понимания (Auffassung). Правда, он уточняет, что речь идет и о “плюсе”, и о “сумме” лишь в переносном смысле (cum grano salis). Когда мы воспринимаем предмет, например дерево, мы не только видим непосредственно к нам повернутую часть (или “ракурс”, или “профиль” его – Abschattung, как скажет несколько позже Гуссерль) – ведь одновременно, узрев дерево, мы как бы пронизаны сознанием: там – дерево, так сказать, “живьем” (leibhaft)! И значит, понимание (Auffassung) как бы вырывается за пределы непосредственно воспринятого и за пределы конкретной интенции, полагания (Meinung).

Из сказанного также следует, что несмотря на “**радикальную неполноту, незавершенность**” отдельных восприятий (и несмотря на то что вещь не может быть сведена в какой-то ее стороне, к какой-то части), несмотря на “**существенную неадекватность**” (S. 52) всякого обособленного внешнего восприятия, – итак, несмотря на все это в восприятии каждая часть вещи воспринимается как относящаяся к вещи целиком. В этом Гуссерль видит суть и внутреннее противоречие восприятия.

В сущности, исследование одновременно “профильно-ракурсного”, частичного (partielle) и синтезированного характера восприятия – а оно выдвигается как важнейшая задача “феноменологии опыта” – не является первооткрытием родоначальника феноменологии. В традиционных и современных Гуссерлю теориях восприятия (перцепции и апперцепции) этот момент так или иначе отмечался и исследовался. Однако феноменологический анализ разбираемых здесь сторон восприятия отличается, во-первых, беспрецедентными конкретностью, полнотой и тщательностью, а во-вторых, ведется при соблюдении процедур феноменологического “очищения” (феноменологической редукции), что вообще было нехарактерно для зараженных различными видами психологизма предшествовавших концепций. Редукция затрагивает, в частности, и способы объяснения, которые предлагались ранее и были нацелены на разрешение означенного внутреннего противоречия, или парадокса, восприятия: между неизбежной его “профильностью”, “частичностью” и необходимым же дополнением до целого, которое выпадает именно на долю “понимания” (Auffassung). Одно из таких объяснений, обобщенно изложенное у Гуссерля, заключается в следующем: мы видим вещь, например дом, с одной какой-то стороны, а фантазия и память как бы “дополняют” видение до целостного “образа”. Гуссерль считает, что в свете феноменологических критериев такая конструкция является “наивной” (S. 56). Его главный аргумент: акты фантазии, как и акты воспоминания, тоже являются “частичными”, “профильными”. “В действительности мы и в фантазии не можем одновременно представлять дом с фасада и с задней стороны; если перед нашим взором – фасад, то это не задняя часть дома, и наоборот” (Ibid.). Иными словами, сказанное в отношении механизмов восприятия, перцепции, верно и в применении к фантазии, воспоминанию, поскольку они тоже покоятся на “изображающих” компонентах, т.е., собственно, основываются на том же восприятии. Значит, по Гуссерлю, “дополняющая”, синтезирующая сила должна исходить не от

таких актов, как фантазия (не имеющих никаких привилегий по сравнению с восприятием), а от механизмов особого понимания, схватывания (Auffassung).

Кроме того, Гуссерлю весьма важно подробнее обосновать и развернуть в исследовании тот момент, который уже был введен ранее, – что “несобственные”, т.е. непосредственно не воспринимаемые, не являющиеся, предметные стороны “ни в коей мере не изображаются”, «не “находят” изображения» (S. 57) подобного тому, какое находят “собственные” части, стороны, свойства и т.д. предметов. Итак, внимание теперь должно быть сосредоточено на исследовании механизмов Auffassung. “Восприятие, перцепция... есть комплекс наполненных и пустых интенций (лучей понимания, Auffassungsstrahlen); полные интенции или полные понимания – собственно изображающие; пустые пусты с точки зрения материала изображения, они в действительности и не ведут к изображению, хотя и имеют свою направленность на соответствующие предметные моменты” (Ibid.). К различению “наполненных” и “пустых” интенций (соответственно пониманий) Гуссерль добавляет различие между определенными и неопределенными интенциями (пониманиями). Например, если я вижу дом при солнечном свете, то его цвет является мне (если, конечно, исправно работают мои органы зрения) достаточно определенно; если я вижу его в темноте или в тумане, то цвет явлен более или менее неопределенно. И вот различие между определенностью или неопределенностью, как и их градации, играют особенно важную роль для моментов несобственного явления (S. 58). Например, я вижу (впервые) лежащую на столе закрытую коробку. При непосредственном взгляде на нее мне (нам) является какая-то сторона коробки. Остается неясным, неопределенным, пуста она или полна, отполирована она внутри или нет. Несмотря на всю его обыденность, пример склоняет Гуссерля к фундаментальным выводам, касающимся Auffassung, понимания: 1) “Неопределенность – имманентная характеристика Auffassung, и следует принять в расчет, что понимание не везде имеет, так сказать, одноцветный характер, а всюду имеет многообразные оттенки и ступени” (S. 58–59); 2) неопределенность Auffassung никогда не бывает абсолютной. “Абсолютная неопределенность” была бы нонсенсом. Неопределенность всегда как-то отграничена определенностью. Хотя (в примере с коробкой) я могу не видеть оборотную и внутреннюю стороны ее, я все же могу точно сказать что-то об их форме, по крайней мере могу утверждать, что эта форма как-то согласована с формой видимой стороны коробки. Мысль Гуссерля можно подкрепить и таким примером. Если я вижу фасад многоэтажного дома и не знаю, какова задняя его часть, то Auffassung с немалой определенностью “подсказывает” мне, что и с задней стороны я (по крайней мере) могу увидеть не один, а много этажей. Поэтому вполне можно согласиться с Гуссерлем, когда он рассуждает диалектически, почти по-гегелевски: “К сущности этой неопределенности принадлежит определенность, и, в частности, определенность внутри точно отграниченной всеобщей сферы, каковы пространственная форма (Raumgestalt), окраска и т.д.” (S. 59). Так возникают вопросы о том, что неопределенность

Auffassung в случае восприятия вещи находит ближайшие определения, как и наполнения пустых интенций в тех “сферах связей восприятия”, которые относятся к пространственным и временным моментам. К их более конкретным исследованиям Гуссерль и переходит.

* * *

Приступая к проблеме конституирования временных аспектов явления, Гуссерль снова повторяет и поясняет, что он (пока) занимается так называемым неизменным восприятием (и соответственно “неизменной предметностью”). И до сего момента анализ был как бы отвлечен от того факта, что восприятию присуща определенная длительность. А теперь “взор” феноменолога повернут именно к этому аспекту. “Восприятие дома длится, скажем, одну минуту, и эта длительность может быть расчленена, например, на половину и половину минуты. И всякой части (Stück) длительности соответствует часть восприятия...” (S. 61). Итак, согласно Гуссерлю, восприятию как абсолютно данному, как феноменологической данности “имманентно принадлежат” и **длительность**, (временная) **протяженность** (Estention), и **расчлененность** на моменты (Zerstückbarkeit) (S. 62).

Снова и снова делается напоминание: “...мы размышляем о феноменологической временности (Zeitlichkeit)” и констатируем, что она прежде всего является длительностью, свойственной восприятию, а точнее, восприятию как явлению (Wahrnehmungsercheinung). А если всякая “физическая данность” и любая относящаяся к ней форма обладает временной длительностью и возможностью расчленить эту длительность на части (“куски”), то это значит, что “предметность”, вернее, ее стороны, аспекты тоже “длятся”, “протягиваются”, сохраняются. “Любая часть понимания представляет тот же признак, ту же часть вещи или, если мы возьмем целостное понимание, представляет ту же вещь в соответствии с идентичным вещественным содержанием” (S. 62–63).

Ведь в каждой временной фазе явления вещи является эта, определенная вещь (**das Ding**), одна и та же (по содержанию) вещь, и, следовательно, оказывается явленной и определенностью, фундаментальная для каждого вещного содержания. “Но вещь обладает своим временем, она длится во времени, она наполняет своим содержательным бытием те или иные временные отрезки (Zeitstrecke). И, следовательно, время есть та форма, которая обладает своей полнотой, и эта полнота есть именно то, что мы называли содержанием вещи” (S. 63). Конечно, “содержание вещи”, о котором упоминает Гуссерль, – не более чем феноменологическая абстракция, “только абстракция”. В реальном же восприятии вещь проявляется не как простое ее содержание. Феноменологически вещное содержание конституируется, согласно Гуссерлю, в “каждой фазе префеноменологической длительности явления” (Ibid.).

Несмотря на констатацию диалектического единства континуальности, непрерывности и прерывности, расчленяемости восприятия, Гуссерль все-таки отдает пальму первенства непрерывности и единству. “Единство первично. Восприятие по необходимости есть непрерывное единство” (S. 64). Что же касается расчлененности на (временные) час-

ти и фазы, то это, конечно, существенная сторона дела, но здесь речь идет “только о возможности” (Ibid.). И как только мы реализуем эту возможность, т.е. прибегнем к расчленению восприятия на временные фазы, то и здесь все равно вступает в силу “синтез идентификации”, снова приводящий расчлененные моменты в целостное единство восприятия.

Гуссерль поясняет, что пока речь идет о первоначальном, далеко не полном и “грубом” феноменологическом анализе времени. Необходимо отметить, что кратко и бегло намеченная здесь – в связи с восприятием – тема времени была тщательно проработана Гуссерлем в прочитанных в 1905 г. “Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени” (которые были изданы много позже, в 1928 г., М. Хайдеггером⁵), т.е. еще до “Лекций о вещи и пространстве”. Напомнив читателю о том, что “временная протяженность породнена с пространственной” (S. 65), Гуссерль и переходит к проблеме восприятия пространства, или являющегося пространства. “Как и временность, пространственность принадлежит к сущности являющейся вещественности” (S. 66). Являющаяся вещь “длится” в том смысле, что она “наполняет” время – и “наполняет” пространство, “свое” пространство, хотя, вероятно, в каждый момент времени она может “наполнять” различные пространства. “Если мы абстрагируемся от времени и изымаем один (определенный) момент вещественной длительности, то ко временинаполняющему вещественному содержанию принадлежит пространственная протяженность вещи. Мы имеем снова пространственную форму и пространственное наполнение. Пространственно-наполняющее – эта материя, слово, которое мы должны взять здесь в полностью наивном смысле, который предписывает нам восприятие: [речь идет о] том, что в восприятии наличествует в качестве наполняющего пространства” (S. 66). Итак, слово **материя** употребляется здесь соотносительно со словами “**пространственная форма**” и означает то, что эту форму как бы “наполняет” (Raumfülle). Различая “материю” и “пространственную форму”, мы, согласно Гуссерлю, проводим “весьма существенное различие” (Ibid.). На одной стороне мы имеем гештальты, т.е. как бы очерчивающие формы тел и их определенности (такие как плоскости, углы, края), а на другой – такие определенности, как цвет, характер поверхности (гладкая, шероховатая, клейкая и т.д.), температурные свойства. Их мы воспринимаем с помощью зрительных и тактильных восприятий. Чувственные определенности являющейся вещи этим не исчерпываются, констатирует Гуссерль. Скажем, мы слышим звуки скрипки. Мы не только **слышим** эти звуки, но **понимаем** их именно как звуки скрипки, а не какого-то другого инструмента.

Итак, общая схема такова: телесная протяженность вещи “материализуется” через известные определенности, комплекс которых именуется у Гуссерля “**materia prima**”. С их помощью конституируется полностью вещественный объект, “мы уже имеем пространственное един-

⁵ В издании сочинений Э. Гуссерля: Husserliana. Haag, 1966; Bd. X.; рус. пер. части лекций см.: Гуссерль Э. Собр. соч. М., 1994. Т. I: Феноменология внутреннего сознания времени.

ство. Но сюда присоединяются и другие определенности, которые относятся к объекту и которые в известной степени составляют “**materia secunda**” (S. 67). Гуссерль напоминает о традиционном различии первичных и вторичных чувственных качеств, замечая, что не пользуется этой терминологией. Вместо этого различаются “материализующиеся” и “только прилагающиеся к ним” (anhängende) определенности. “Материализующиеся определенности” как бы наполняют пространственную форму в качестве ее *materia prima*. Без них пространственная форма была бы чистым ничто. Наполняя форму, *materia prima* и создает “конкретность вещи в фундаментальном смысле” (Ibid.). И вот когда такая конкретность уже конституируется, тогда могут вступать в силу дополнительные, прилагающиеся характеристики вещи, например звук или запах, а также другие “эмпирические” качества. Все воздействии вещи на нас – фактор вторичный в сравнении с тем обстоятельством, что заранее должна предполагаться “вещь, конституируемая в соответствии с явлением” (erscheinungsmäßig). Различие между *materia prima* и *materia secunda* Гуссерль поясняет на следующем примере. Скажем, мы находимся в концертном зале и слушаем скрипку. Звук скрипки локализован в пространстве в том смысле, что его источник, играющая скрипка, находится на сцене; звук распространяется по залу и по-разному воспринимается в его разных частях. Но части зала (его плоскости, его пол, потолок и т.д.), которые воспринимаются визуально, “наполняют” пространство в ином смысле, чем распространяются, делятся звуки скрипки.

Для Гуссерля и при характеристике пространственных аспектов восприятия исходной остается следующая констатация: “...пространственная протяженность (Extention) восприятия также конституируется в длительности (Extention) явления, в длительности, которая в любом пункте времени принадлежит к совокупному явлению...” (S. 68). И здесь снова имеет место и единство, и расчлененность этой протяженности, длительности. При этом и в данной фазе анализа единство первично и более реально, чем расчлененность на фазы, которая существует, так сказать, в абстрактной возможности (Ibid.).

* * *

Приступая к более конкретному анализу пространственной протяженности и напоминая о введенном им различии первичных, наполняющих пространство и только дополнительных, вторичных, определенностей, Гуссерль предлагает сначала вывести вторые из игры. К рассмотрению привлекаются только первичные, т.е. изображающие, содержания, которые, если мы вспомним, именуются ощущениями. Здесь для Гуссерля особенно важно то, что, например, “данности цвета (Farbendaten) имеют прочное единство и прочную форму, форму префеноменальной пространственности” (S. 69). Сказанное относится и к другим чувственным данным, которые принадлежат к качествам, собственно наполняющим пространство как изображающим содержание. При этом основатель феноменологии подчеркивает, что “через протяженность физических данных непрерывно протягивается (kontinuuiert sich) также и

длительность понимания (Auffassungsextentio) – и таким образом длиться, протягивается (extendiert sich) всё явление” (Ibid.).

Гуссерль в связи с этим ставит целый ряд конкретных вопросов, ответы на которые должны высветить различные частные стороны процесса восприятия вещи. Один пример – он касается темы “сплошности” (Stetigkeit). “Материализующие определенности” могут по-разному “наполнять” пространство: например, оно может быть наполнено “сплошь” (stetig) или “дискретно”. Желтый шар, который мы воспринимаем, в зависимости от обстоятельств воспринимается как окрашенный желтой краской сплошь, равномерно или некими дискретными пятнами, полосами. При этом “сплошность” “принадлежит к пространственной протяженности как таковой” и в качестве имманентного момента отчетливо входит в наше сознание. И потому мы можем, сохраняя в сознании непрерывность пространственной “наполненности”, в то же время переходить от точки к точке, от линии к линии (здесь: в пределах “длительности” желтого цвета). Но, кроме того, “сплошность” позволяет нам переходить от качества к качеству: например, от желтого цвета к пурпурному, а от него – к фиолетовому. Столь же важна “интенсивность” сплошности: например, в какой именно желтый цвет окрашен шар – в светло- или темно-желтый (S. 70).

Различение *materia prima* и *materia secunda* Гуссерль пытается использовать для того, чтобы ближе подобраться к той структуре сознания, которую он именует “явлением в собственном смысле” (S. 78). Внутри комплекса определенностей, относящихся собственно к явлению, выделяются те, которые относятся, так сказать, к “телу” (Körper) вещи, и те, которые относятся к его “наполняющей материи” (Ibid.). Они делятся на “являющиеся визуальные” и “являющиеся тактильные” моменты. Гуссерль затем переходит к более подробному анализу обоих моментов. “Изображающие содержания визуального совокупного явления образуют непрерывную связь: мы называем ее визуальным полем. Поле – это доэмпирическая пространственность, протяженность (Ausdehnung), и оно имеет так или иначе определенную полноту” (S. 82–83). Поле расчленимо на части (Stücke), которые представляют какую-либо отдельную вещественность (Dinglichkeit). Например, мы видим дом. Отдельные физические данные видимого “поля” принадлежат именно к изображению этого дома, другие – к изображению частей неба и т.д. Аналогичным образом мы говорим о “тактильном поле”, или о “поле слышания”, восприятия запаха, ощущения температуры и т.д., но делаем это уже в “несобственном” смысле – по сравнению с визуальным восприятием.

Все эти и другие здесь только намеченные проблемы Гуссерль подробно и углубленно обсуждает в III разделе, озаглавленном “Анализ кинетического синтеза восприятия. Изменения восприятия и изменения явления”.

Теперь, предуведомляет Гуссерль, мы переходим к новой форме непрерывного (kontinuerlicher) синтеза, а следовательно, рассматриваем новый тип восприятия. Если до сих пор речь шла, как уже отмечалось, о “неизменном”, т.е. относительно статичном, восприятии, – разумеет-

ся, неизменном с феноменологической точки зрения, то теперь положение меняется. Если ранее – чисто условно – принималось, что предмет, восприятие которого мы исследуем, остается неизменным, то теперь феноменологическое рассмотрение усложняется тем, что в него вносится новая координата: изменчивость предмета. В чем же конкретно состоит различие между двумя подходами? “Неизменное восприятие имело свою временную длительность, но оно наполняло время с помощью одного и того же содержания. Теперь же мы берем изменяющиеся восприятия. Они также имеют свою временную длительность (нет нужды все время повторять, что последняя понимается феноменологически), в которой конституируется предметная временность (*Zeitlichkeit*). Но в том-то и состоит всеобщий характер изменения, что временность постоянно наполняется новым содержанием...” (S. 85–86). Правда, и здесь имеет место постоянство – по крайней мере в двух смыслах. С одной стороны, постоянство принадлежит к сущности временной длительности, как и длительности, протяженности вообще. С другой стороны, постоянство, “сплошность”, принадлежит к полноте длительности, здесь – длительности времени.

Однако же изменчивость в восприятии означает, что возникают своего рода “моментные скачки” – скажем, являющееся качество мгновенно сменяется другим являющимся качеством, соответственно, в самом восприятии, которое “конституируется в этом предметном скачке” (S. 86), совершается мгновенное и прямое изменение в изображающих физических данных и в понимании (*Ibid.*). Применительно к вещному объекту в изменяющемся восприятии, отмечает Гуссерль, мы имеем следующие возможности: I – а) вещь остается неизменной относительно своих материальных свойств, под которыми понимаются первичные или вторичные, наполняющие пространство, или вторичные зависимые свойства. “Тело” вещи остается неизменным; оно не движется. Напротив, “Я” не остается неизменным. А именно: изменяется релятивное положение “Я” по отношению к объекту. Я обхожу вокруг вещи, приближаюсь к ней или удаляюсь от нее; в) “Я” покоится, а вещь, вообще-то неподвижная, приходит в движение; с) имеют место обе названные ситуации. Итак, мы можем говорить о только кинетических изменениях, причем как по отношению к объекту, так и по отношению к воспринимаемому субъекту (S. 87); II. Объект изменяется в своих конститутивных определенностях, а не только с кинетической точки зрения (например, меняется “геометрия” вещи – вследствие ее деформации); III. Происходят другие изменения.

Итак, в первых частях Лекций Гуссерль рассматривал восприятие “статично” – так, как если бы и предмет не изменялся, и положение субъекта оставалось бы неизменным. Но ведь эта феноменологическая абстракция – своего рода пограничный случай, отмечает Гуссерль. Обычно мы не смотрим на неподвижный предмет, пребывая в неподвижности. Мы передвигаемся, наши глаза меняют положение и т.д. Да и с самим предметом непрерывно происходят изменения. А это меняет характер и ход восприятия. “С каждым новым релятивным положением предмета в моем глазу и с каждым поворотом глаза, если даже

другие аспекты положения не меняются, другими становятся и изображающие содержания, пусть они относятся к той же стороне предмета и к тому же его определению” (S. 91).

Предположим, что мы рассматриваем кубик. Через одно явление нам дается красная сторона кубика. Другая поверхность кубика дается нам как бы побочно, или – по терминологии Гуссерля – в “несобственном” явлении; соответственно способу явленности – и понимание (Auffassung) остается неясным. Что касается видимой стороны кубика, то в “собственном” явлении нам даются не только цвет, но и его яркость, интенсивность, характер поверхности, краев и т.д. Иными словами, развертывается все то богатство моментов деятельности сознания “на уровне” восприятия, которое Гуссерль уже пытался, притом с разных сторон, высвечивать и описывать. Итак, мы видим “переднюю”, т.е. повернутую к нам, сторону кубика. Но это может быть только первым шагом. “В следующем шаге восприятия к собственному проявлению приходят те или иные стороны предмета...” (S. 96). Обнаруживается, что предмет является “по-другому”. Например, обнаруживается, что прежде невидимая, а теперь повернутая к нам сторона кубика оказалась не красной, а желтой (или, в случае с желтым шаром, вокруг которого мы движемся, – и прежде невидимая часть шара оказывается не сплошь желтой, а окрашенной неравномерно – S. 96). Возникает определенное “противоречие”, “смятение” по отношению к прежде возникшей предметной интенции. Но ведь “во всех шагах нам предстоит один и тот же предмет” (Ibid.). “Поворот” предмета или поворот взгляда оставляет “неповрежденной” возможность идентификации, коренящуюся в самой сущности восприятия, проявления. (Возможен, впрочем, и другой случай: “оборотная сторона” оказалась в точности такой, какой мы ее себе представляли.) Но имеет ли место “согласование” или “рассогласование” собственных и несобственных проявлений, интенции, – наиболее важным снова оказывается синтез “шагов”, т.е. восприятий разных ступеней и конфигураций, “синтез идентификаций или противостояний” (S. 97), заключенных в самой внутренней сущности восприятия. «Но противоречие, рассогласование не подрывает единство предмета; ведь противоречашие или разочаровывающие моменты все же являются моментами предмета, они принадлежат ему в качестве “другого, инакового бытия” (Anderssein), которое занимает место первоначально осмысленного, понятого “так-бытия” (Sosein)» (Ibidem). А это значит, что последовательно новые восприятия одного и того же предмета должны прилаживаться, приспосабливаться к каждому прежнему восприятию и их рядам. При этом отношения между ними могут складываться по-разному: согласованность, соподчиненность, противоречие, “инаковость”, дифференциация и т.д. Но и здесь – после рассмотрения дифференциации, отдельных последовательных шагов, “инаковых” восприятий – анализ Гуссерля снова и снова возвращается к единству и синтезу. Например, мы рассматриваем предмет, имеющий форму куба, причем при рассматривании меняем положение. “К каждому моменту, приходящемуся на явление в собственном смысле, принадлежит непрерывность конституирующих форм явления, следовательно, вычленяющихся в ма-

лейших дифференциациях устремляющихся вперед фазовых рядов, например, срезы (Abschattungen) квадрата, которые я как раз вижу – и все это применительно к геометрической форме” (S. 101). И “схватывание” квадрата тоже таково, что ему принадлежит непрерывность, континуум срезов, которые постоянно переходят друг в друга. Следовательно, имеется “поток более низких различий внутри одного и того же собственного рода” (Ibid). То же рассуждение может быть применено не только к форме, но и к окраске квадрата: она заключается все же не в разделенных “срезах”, “оттенках”, а в их “континууме”. При этом порядок следования дифференцированных восприятий отнюдь не произволен. Это “спаянное единство” (S. 102). Плоскость квадрата есть “единство в многообразии, идентичность в континуальности...” (Ibid.).

Чем же обеспечивается такое единство? С точки зрения Гуссерля, решающую роль опять играют не сами чувственные стороны восприятия, а понимания (Auffassungen). Можно говорить о постоянно идентифицирующем наложении (Deckung), а именно “о совмещении смысла” (Ibid.). Так обеспечивается “известное единство гомогенного потока”, к сущности которого принадлежит “Pointieren”, т.е. возможность выделения отдельных точек, фаз. В результате имеет место и множественность, изменчивость восприятий, и “сознание одной и той же неизменной поверхности (в форме) квадрата” (Ibid.).

Но этого, считает Гуссерль, еще недостаточно. Когда дан толчок изменениям, то возникает что-то вроде “дифференциала движения”, некоторая направленность потока (“die Richtung”), а вместе с ним “дана система постоянно вводимых и исполняющихся интенций” (S. 103). В нормальном восприятии они становятся чем-то вроде интенций ожидания (Erwartungsintentionen). Так ряд явлений пронизывается некоторой “теологией”, отмечает Гуссерль. И мы ясно осознаем, что, например, рассматривая квадрат как сторону куба, мы включены в некоторое континуальное поле “срезов”, “профилей”; мы понимаем, что наше усмотрение должно приобрести некую полноту, должно быть “выполнено” (Ibid.). Вспоминая об одном важном различии “Логических исследований”, Гуссерль подчеркивает: здесь постоянно имеет место взаимопереплетение (ein stetiges Ineinander) интенции и ее исполнения.

«Однако мы должны быть осторожными, – предупреждает Гуссерль. – Полнота имеет различные степени и ступени. Рассматривание сторон куба может внезапно оборваться, а может продолжиться, приближаясь к “всесторонности»». Отмечается и еще одна особенность восприятия меняющихся профилей: порядок их “презентации” может быть изменен. Например, куб может вращаться справа налево или слева направо, однако суть предмета остается той же самой. Но это относится только к “воспринимаемому предмету”. Например, такие делимые во времени “предметности”, какими являются мелодии, не могут по произволу быть “повернуты вспять” (S. 104).

Возвращаясь к проблеме интенции и ее исполнения, Гуссерль констатирует: “К континуальности понимания принадлежит игра постоянной интенции и исполнения” (S. 105). Что же это за игра? Возвратимся к примеру с (вращающимся) кубом. Если в первых восприятиях многое

является нам неотчетливо, то при дальнейшем рассматривании этого предмета накапливается все больше нового материала, который на каждой новой стадии не только дифференцируется, но и синтезируется. Это касается и геометрической формы, и “визуальной полноты”, и окраски куба (S. 106). Таким образом, происходит “расширение полноты” того, что сначала неполным и смутным образом “приходит к данности восприятия” (Zur – Wahrnehmungsgegebenheit – Kommen).

Другой пример “игры между интенцией и полнотой” – изменение восприятия по мере приближения к предмету или отдаления от него. Скажем, мы издали видим фасад дворца, потом приближаемся к нему, так что лучше видим и целое, и детали. Но это не значит, что какие-то аспекты полноты восприятия не теряются по мере приближения к зданию. Всякий раз требуется дать отчет в том, какие стороны интенции целостного предмета “исполняются” лучше и полнее при изменении положения наблюдающего субъекта, а какие, напротив, исчезают или искажаются.

Переходя к проблеме пространства, Гуссерль констатирует: “Пространство есть бесконечное многообразие возможных положений (Lagen) и тем самым доставляет поле [для] бесконечно многих возможностей движения. Всякая вещь а priori – в качестве наполненного пространственного тела – подвижна, причем in infinitum, до бесконечности; и, следовательно, а priori должна быть реализована такая возможность, чтобы движение было дано, т.е. чтобы оно оказывалось изображенным (zur Darstellung komme)” (S. 121) Но каковы средства изображения (в пространстве) и его изменения, если речь идет о бесконечной перспективе? Ведь ясно, что поле, правда, может доставлять множество изображений, однако их число конечно. Всякий раз изображается непрерывное тело, возможны изображения его различных поворотов и профилей. Гуссерль здесь называет восприятия и изображения “неадекватными” – в том смысле, что дается не целостное тело как таковое, а его профили, всякий раз различные, и что бесконечное (в потенции) пространство тоже не является нам непосредственно. Всякий раз дан какой-нибудь конечный “профиль” пространственного поля. Образы бесконечности всего ближе то обстоятельство, что число таких возможных профилей данности в принципе неограниченно. “Отдельное явление может указывать на бесконечность возможных операций и изображений, но как бы то ни было, оно, это явление, неадекватно в смысле руководящего идеала” (S. 122).

Все предшествующее рассмотрение, поясняет Гуссерль, носило (в известном смысле) априорный характер: конституирование вещи рассматривалось с точки зрения чистых феноменологических возможностей. Не покидая границ чистого сущностного анализа, мы одновременно можем рассуждать апостериорно, т.е. с точки зрения “человеческого пространственного созерцания” (Ibid.). Но позвольте, может спросить читатель, разве раньше Гуссерль рассуждал не о “человеческом” восприятии? Гуссерлевские разъяснения в определенном смысле парадоксальны и перекликаются с известными формулировками I тома “Логических исследований” о бессубъектности феноменологии. Здесь

бессубъектность перерастает в утверждение того, что феноменологический анализ парит и в некотором если не “безобъектном”, то во всяком случае совершенно неопределенном “пространстве”. “В феноменологической редукции человеческое пространственное созерцание, естественно, перестает быть человеческим” (S. 122). Можно представить себе, что созерцает некое “существо”, какой-то “высший гений”, и что коррелятом созерцания является вещьность в высшем смысле этого слова. “Для наших до сих пор проведенных рассмотрений несущественно (иррелевантно), является ли вещное пространство трех- или четырехмерным, искривлено ли оно, или нет”; достаточно лишь предположить некоторую его “конгруэнтность” в себе и для себя (S. 123). Но теперь мы должны, разъясняет Гуссерль, принять в расчет то, что речь идет о “нашей” вещьественности и присущей именно “нам” способности давать ее изображение. И вот тут вносится заметный нюанс в теорию восприятия, в частности концепцию “изображения” вещи. “Созерцание вещи, сказали мы, не является адекватным, вещь как целое никогда не дана окончательно. Но ведь в отношении того или иного момента всегда имеет место все более совершенное изображение...” (Ibid.).

Любопытно, что гуссерлевский анализ здесь опять разворачивается в форме своеобразной внутренней полемики, полемики частных подходов, которые неверно было бы абсолютизировать, но которые следует принять в расчет: итак, “для нас”, т.е. в обычной человеческой жизни, изображения вещи становятся все более полными, ясными, совершенными, хотя они и не отвечают чистому, априорному идеалу адекватности. – “Хорошо, возьмем это лучшее изображение в качестве соответствующего момента” (S. 123). Но что это значит – в качестве “момента”? – Это несамостоятельный момент вещи. – Но может ли неотделимый, несамостоятельный момент сам прийти к некоторой данности? Не заключена ли здесь непреодолимая трудность? Как момент может быть реально имманентным и в то же время вообще неотделимым от целого?

Ответ Гуссерля на эти вопросы и недоумения отчасти уясняется из ранее проделанного анализа. Всякий момент восприятия, созерцания, изображения, всякий “профиль” не существует отдельно, а включен в континуум целостности. Включенный в целостность, в ряды “восходящих” восприятий, этот момент, этот профиль (как и все другие) “нюансируется”, обогащается, становится все более определенным и ясным. И тогда “несобственный”, “неадекватный” характер, заданный профилем восприятия, если не устраняется полностью, то в значительной степени компенсируется. “В многообразии собственных явлений мы всюду имеем сознание данности (Gegebenheitsbewußtsein)”, даже целую область такого сознания. В результате благодаря явлению мы – хотя бы в возможности – сохраняем и исполняем интенцию, полагание (“Meinung”) одного и того же предмета (S. 125). Итак, хотя идеал, согласно которому в явлении конституировалась бы вещь как абсолютная данность, причем в абсолютной полноте, очевидно недостижим, – все же “к сущности восприятия принадлежит то, что вещь в смысле телесности предстает в качестве так или иначе определенной, следовательно,

с тем смыслом, который указывает на возможность полноты, причем вещь приходила бы шаг за шагом ко все более полной данности” (S. 125–126). В этом пункте “максимально” возможной полноты и находится исполнение “интенция, принадлежащая исходному восприятию” (S. 126). И то, что в таком начальном пункте было лишь пустой, смутной интенцией, теперь приобретает вид более совершенной “данности” (Gegebenheit). Значение этого результата нельзя недооценить: “это наиболее собственное сознание данности – цель движения восприятия” (S. 126). Ведь такую нацеленность мы находим в каждом конкретном восприятии, поскольку оно что-то “полагает”, “мнит” (meint). Правда, Гуссерль называет такую, в конечном счете достигаемую, полноту **квazi**полнотой, все же имея в виду отмеченные ранее ограниченность, неадекватность и каждого восприятия, и рядов восприятия – в сравнении с неисполнимым идеалом “абсолютных” полноты и адекватности. И если мы говорим о “максимальных данностях”, то это следует понимать в относительном смысле, не забывая о всех условиях и границах (S. 127).

В заключение 6-й главы Гуссерль ставит следующий общий вопрос: какие последствия для познания как такового имеет безграничность всех разновидностей данности? Как было показано, вещь никогда не дана и не может быть дана познанием полностью и окончательно. “Она приходит к данности только в бесконечном процессе опыта” (S. 138). Эта формулировка Гуссерля напоминает неокантианские гносеологические формулы. Кстати Гуссерль (который нередко выступал с критикой неокантианства) в данных лекциях прямо солидаризируется с неокантианским пониманием, согласно которому окончательное определение объекта является бесконечной задачей (S. 134). Но не становится ли тогда познание чем-то бесцельным? Да и разумно ли ставить перед познанием такие задачи, которые по сути своей заведомо невыполнимы? Ответы на эти вопросы Гуссерль предполагает дать в следующей, 7-й главе. Это анализ, в котором Гуссерль также подводит главные итоги предшествующего рассмотрения и снова расставляет в исследуемой проблематике феноменологические акценты. Вместе с Гуссерлем и мы подведем итоги анализа, который развернут в “Лекциях” 1907 г.

ИТОГИ

Итак, Гуссерль снова уточняет особенности феноменологического подхода – в сопоставлении со всем набором уже существующих концепций, включая кантовскую. “Мы не говорим: вне нас – вещи; как мы можем [что-то] знать о них? Мы не говорим так, как Кант в 1772 г. (имеется в виду письмо Маркусу Герцу от 21 февраля 1772 г. – *Н.М.*): на каком основании покоится отношение того, что мы называем представлением нас, к в себе сущему предмету? Мы не говорим: вещи вне нас посылают [те] свои раздражения на наши органы чувств, с которыми связаны психофизические ощущения и, в дальнейшем, представления и иные реакции души. Как мы могли бы, исходя из действий, имеющихся в нашем сознании, делать заключения о породивших их причинах? И, далее, мы не говорим: все утверждения и допущения о вещах ведут назад к опытам, в

конечном счете, к восприятиям. Эти субъективные переживания – то единственное, что нам дано. Поскольку сами они не являются вещами, которые ведь должны находиться вне субъекта, то должны существовать посылки, которые побуждают нас воспринимать вещи вне нас и оправдывают это. Как следует формулировать эти посылки, в чем они имеют свою опору внутри единственно данной сферы субъективных переживаний восприятия? Как реальность субъективного ручается за реальность объективного, относящуюся к миру вне нас (Außenweltlichen), принимать которую можно только гипотетически?” (S. 139–140).

И вот, сформулировав все эти вопросы, которые, действительно, поднимались в различных философских учениях, Гуссерль решительно заявляет: как бы оправданно и настоятельно они ни звучали, он не собирается ими заниматься. “Это не только иные вопросы по сравнению с нашими, но, как мы знаем, это ложно, превратно поставленные вопросы (verkehrt gestellte Fragen)” (S. 140).

Мы, заявляет Гуссерль, имея в виду феноменологов, оставляем “вещи сами по себе” метафизикам, “вещи” физики – физикам; всяческие души, личности, предрасположения и т.д. отдаем психологам. Нас не интересуют и вещи в смысле обычной, повседневной жизни. Все это отодвинуто в сторону (dahingestellt). “Dahingestellt – это значит, что мы воздерживаемся от всяких суждений об их реальном существовании; наш мир – это, так сказать, мир абсолютных данностей, абсолютных несомненностей, мир “феноменов”, “сущностей”, короче говоря, тот, который не затрагивается полаганием реального существования или несуществования” (Ibid.). Как мы видим, в этой части своих лекций Гуссерль дает одно из ранних и в то же время вполне ясных определений феноменологической редукции, конкретно примененных к понятию вещи и ее восприятия. Исключаются, таким образом, положения наук, обыденные мнения и суждения. Но все это, рассуждает Гуссерль, может снова попасть в поле феноменологической исследовательской мысли, которая может и должна будет заняться сущностью восприятия, сущностью суждения, сущностью очевидности – однако делая это в смысле феноменологии, а не физиологии, психологии, метафизики.

Здесь нас интересует, продолжает Гуссерль, своего рода “онто-феноменология” (Ibid.), причем взятая на своей первой ступени. Мы берем определенные феномены, феномены “опыта”, исключая – с помощью феноменологической редукции – все суждения личностей относительно этого опыта. Здесь ясен конкретный смысл редукции, примененной к теме восприятия: нас интересуют не разнообразные (лично, исторически) обусловленные суждения субъектов относительно опыта восприятия, а сама сущность этого опыта. Одна из первых феноменологических констатаций, являющаяся следствием возврата к “самим вещам” в сфере восприятия, уже известна: это мысль об интенциональности, направленности его на какой-либо предмет. “Восприятие в себе самом есть восприятие воспринимаемого; сущность восприятия состоит в том, чтобы привести предметное к данности, чтобы осуществить полагание являющегося как достоверное (glaubenmäßig) полагание его как сущей действительности” (S. 141).

Дальнейшие разъяснения феноменологической позиции состоят у Гуссерля в следующем. “Мы” (феноменологи) спрашиваем не о том, как возникает опыт, а что “лежит” в опыте, заключено в нем в смысле “абсолютной” данности, т.е. что от него сущностно неотъемлемо независимо от того, кто и как судит об опыте. Речь идет, таким образом, о сущности опыта, т.е. об “условиях возможности опыта” (Ibid.). Центральный вопрос феноменологического анализа восприятия Гуссерль формулирует так: “Как, в каких моментах, конституируется интенциональность восприятия?” (S. 142). Ответ на него и был дан благодаря тем аспектам и моментам, о которых в этой статье уже шла речь. В 7-й главе Гуссерль вновь обсуждает и суммирует их. Особо акцентируется тот факт (§ 39), что восприятие вещи есть принципиально незавершенный и незавершаемый процесс.

В связи с рассмотрением этого бесконечного процесса Гуссерль различает: установку на “саму вещь” и установку на явление вещи. Различие поясняется на таком примере. Мы видим зеленый косогор, покрытый желтыми цветами. “Явления” косогора могут быть различными в зависимости от того, с какой точки окрестности мы его разглядываем. Но ведь это один и тот же косогор, только явленный нам с разных “сторон”, в разных профилях. Та или другая сторона заключает в себе нечто “объективное” в вещи, это сторона вещи. “Но какого характера эта объективность? Что мы должны [в ней] различать?” (S. 145). Гуссерль дает такие различия:

- а) сам косогор, который изображается с той или другой его стороны;
- б) сторона, в которой он изображается, в которой он является, где в свою очередь различены:
 - α) широта чувственного содержания: широта, в которой изображается “поверхность”, части этой широты, в которых изображается, например, цвет со всеми его травами, цветами и т.д.
 - β) то, благодаря чему эта широта изображается; то, что придает полноту смысла и значения широте;
 - γ) то, что обеспечивает единство моментам α и β, так что нечто в вещи способно выступать в качестве ее стороны.

Отсюда две главные установки:

1. Когда я в словах описываю вещь, то имеет место “естественная” установка.
2. Когда я обращаю внимание на “явление”, то оно и есть мой предмет: это та или иная сторона (профиль), так или иначе “наполненная” сторона (явление в собственном смысле).

Казалось бы, упомянутое различие не столь существенно. Но на самом деле, поясняет Гуссерль, направленность внимания на сам косогор, на цветы и т.д. или его поворот к явлению – это противоположности (S. 146). Например, когда мы поворачиваем внимание к явлению вещи, то нам вообще является не вещь, а “ракурс вещи”, поскольку он является. Так, в только что приведенном примере мы в случае второй установки видим не косогор, а рефлектируем на видение, явление косогора, точнее, на какую-то сторону, профиль этого явления (S. 148). Явление, сторона вещи – “здесь” (da), но не в качестве вещи. Вместе с тем явле-

ние вещи поддается объективированию, т.е. само может стать предметом, темой сознания и внимания.

В заключение Гуссерль делает добавление, которое может удивить тех, кто примитивно понимает антипсихологизм родоначальника феноменологии. В синтезе восприятия, говорит Гуссерль в § 43, значительную роль играет... вера. Конечно, не вера в религиозном смысле, а в смысле феноменологическом. «В восприятии в узком смысле являющееся “стоит” там (da) в качестве сущего, оно имеет значение действительного». Мы верим в это. Правда, вера может переходить в сомнение, даже в неверие. И все же какая-то степень веры в “стояние” вещи перед глазами, согласно Гуссерлю, необходима и проникает собою всю континуальность явления и все объективирующие моменты явлений (S. 152).

Гуссерль на этом завершает фундаментальный феноменологический анализ восприятия и переходит, о чем уже ранее говорилось, к прикладным аспектам, исследование которых здесь не входит в нашу задачу.

КАРЛ ПОППЕР И ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ

(предисловие к публикации)

И.З. Шишков

Статья К. Поппера “Как я понимаю философию” вышла в свет в 1975 г.¹ Поводом к ее написанию послужила, по-видимому, опубликованная под тем же названием в 1956 г. статья австрийского и английского философа-неопозитивиста Фридриха Вайсмана². До недавнего времени как в западной, так и в отечественной философской литературе³ философско-методологическая концепция сэра Карла Поппера оценивалась как продолжение позитивистской традиции*. Следует заметить, однако, что в последнее время некоторые отечественные философы⁴ вполне справедливо подчеркивают несостоятельность такой оценки и пытаются подойти к творчеству Поппера с иных позиций. Публикация, предлагаемая вниманию читателей, представляет интерес прежде всего с точки зрения нового осмысления места английского мыслителя в современной философии.

Не останавливаясь подробно на данном вопросе, укажу лишь на один принципиальный момент, по которому, как мне представляется,

* Появлению мифа о приверженности Поппера позитивистской традиции способствовало, по-видимому, то обстоятельство, что первое издание основной логико-методологической работы Поппера “Логика научного исследования” (1934 г.) на немецком языке вышло в серии “Труды по научному мировоззрению” (т. 9), издаваемой ведущими членами Венского кружка М. Шликом и Ф. Франком. В этой серии, как известно, публиковались программные работы логических позитивистов.